Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мисс Фитнес

1

Впервые я увидел её в тренажёрном зале. Вокруг вились парни: накаченные, улыбчивые. Вечно рассыпались шуточками, стреляли глазками, подёргивали бицепсами перед зеркалом, перед ней.

Я в этом не участвовал. Сидел себе тихонько в уголке, заклинившись в тренажёре для прокачки пресса. Раз-два: стенка, потолок, шикарная задница — две прочные упругие булки, спаянные промежностью, обтянутые серыми леггинсами. Три-четыре: яркая лампа на потолке, ослепление, жемчужная улыбка крашенной блондинки.

Мисс фитнес даёт номер телефона красавчику в просторной майке-безрукавке. Его грудь колесом, соски торчат из-под майки, грудные мышцы, дельты, трицепсы взбугрило так, что плечи висят, как на вешалке. Он и ходит, как шкафчик. И сидит, и улыбается, как квадратный предмет мебели.

Только мебель здесь я, а не он. Никто не замечает нескладного юношу с грушевидной фигуркой. Не скажу, что бёдра у меня слишком широкие, но и плечи уж точно не шире.

Однажды красотка сделала мне замечание:

— Майку надо переодевать, если потеете. Думаете, кому-то приятно на потный тренажёр после вас садиться? — она гневно сверкнула очами и отвернулась к зеркалу.

— Извините, — я стыдливо вспыхнул да кончиков ушей. Полотенца с собой я не брал, на чёрном дерматине действительно оставались следы пота. В районе поясницы и шеи.

— Я сейчас вытру, — пробормотал я и побежал в туалет за бумагой. Вернулся, сломя голову. Кинулся вытирать, а девушки уж и след простыл. Она ушла, не оценив моих усилий. Весь вечер я не находил себе места, ворочался до часу ночи.

«Позорище! — корил я себя. — Никто в зале не потеет. Только я, как бомж!»

С тех пор я зарёкся ходить в качзал без трёх маек и полотенца и всегда проверял за собой.

Я занимался три раза в неделю и в следующий раз столкнулся с девушкой на входе. Хожу я быстро, сумка спортивная, чёрная болтается на плече. Майки там потные, полотенце, ботинки. В тот день я только закончил тренироваться, силы во мне разыгрались богатырские, ну я и навалился на дверь со всей дури. Бац. А там блондинка за лоб держится. Скривилась вся.

И надо ж было мне в тот момент ничего не сказать. Только уставиться на неё безумным взглядом: «ну как ты тут, держишься?» и пойти себе восвояси, набирая ход, не оглядываясь, мол, «ну ты держись дальше сама».

Думаю, после того случая она меня и возненавидела. Потому что каждый раз, когда мы в зале хоть чуть-чуть пересекались, она хмурилась и отворачивалась. Уходила в другой конец зала, нервно мяла запястья, становилась суровой, и улыбка её тут же сходила с лица, когда я появлялся в поле зрения.

После того случая я уже не тренировался, а только искал возможности обойти её по кругу. Мой абонемент, выкупленный на полгода, истекал через два месяца. Её время совпадало с моим. Хоть она и старалась приходить позже. Так что деваться нам было некуда. Мы тихо сходили с ума, ненавидя друг друга. Я уж и позабыл, что обидел её первым, что не извинился

тогда. Мне казалось, что вот она сама стерва, сама придумала всё, накрутилась, специально создала ситуацию, в которой я виноват. Иногда я порывался подойти к ней и формально извиниться.

Спустя месяц? Я готов был провалиться сквозь землю. Более тупой поступок трудно себе представить.

«Ну и тормоз!» — подумает она.

Конечно, подумает! Она и так не самого высокого мнения была обо мне. Переговаривалась уже о чём-то с ухажёрами, поглядывала в мою сторону. А потом они смеялись вместе.

Шутили, наверное, про меня.

Так что я для себя твёрдо решил: дохожу в этот чёртов спортзал и уйду в другое место. Или вообще забью на спорт. Прогресса никакого в занятиях я не наблюдал. Только выматывал себя после работы.

2

Кроме работы в IT и тренажёрки ещё я занимался гуманитаркой. Ну как, занимался... Пока учился в лингвистическом, познакомился с заезжими немцами. Те раз в году привозили большую коробку с лекарствами, подыскивали чернобыльских детей для летнего оздоровления. Я затусил с ними, подтянул немецкий, потом списался, и пошло-поехало. В своих имейлах я указывал на коррупцию в белорусских госучреждениях. Дети врачей неожиданно оказывались чуть ли не онкобольными со всеми признаками крайнего радиоактивного облучения.

Немцы верили мне. Они и сами чувствовали, что их динамят. С лекарствами было всё то же самое. Я провёл независимый опрос среди родителей, чьи дети нуждались в лекарствах. Оказалось, что родители платили за немецкие лекарства деньги вместо того, чтобы получать их бесплатно, и всё равно многого недополучали.

Всё это с подписями и видео записями я отослал в Германию. Это была моя инициатива. Никто не тянул меня за язык, не просил. Просто было обидно за детей. Главврач — лживая сука, заискивающая коррупционерка — бесила меня больше всех. Её дети стояли первыми в списке на оздоровление. Так что я решил исправить несправедливость и действовал в обход главврача и волонтёрской организации, которая функционировала вяло и только создавала видимость работы.

Всё это крайне впечатлило моих немецких друзей. Видео факты, интервью с родителями, с больными детьми, которые не попали в список, было переведено на немецкий. И грянул гром. Немцы-доноры распространили по внутренней сети информацию, посидели-подумали и на следующий год предложили мне руководить гуманитаркой и всякими списками.

Я долго отказывался. Деньги за это брать я наотрез отказался, хоть мне и предлагали полноценную работу директором фонда.

Но посидев-подумав, я всё же согласился. Просто оценил однажды объём работ, понял, что в качестве второй работы не потяну, а для хобби сойдёт. Плюс общение с немцами. Приятный бонус для человека, который учил язык в универе.

Так я и втянулся в небольшой хобби-проект. Волонтёрство: каждому по потребностям, от каждого по способностям. Два-три раза в году полный автобус с пожилыми немцами приезжал в Минск. Немцы ходили по музеям ВОВ, детским сиротским домам, больницам. Раздавали подарки, лекарства, общались с врачами, спрашивали, что ещё привезти, приглашали детей на лето в Германию.

Я проникся темой, обзвонил детские больницы в городах-сателлитах. Нашёл ещё пару местечек, где отсутствие средств разительно отличало провинциальные больницы от столичных.

Работа оказалась несложная и весьма приятная. Душевная.и развлекал, обласкивая детей. Так уж у них заведено: одна большая семья. Один тащит коляску, другой ведёт старшего ребёнка, третий играет в ладушки со средним, мама кормит грудью малыша. Папа обсуждает вопросы передачи лекарств непосредственно родителям детей. Я сам предложил такую схему: родители хранят лекарства у себя дома. Иначе в больнице немецкие лекарства просто меняют на отечественные. Родители не успевают опомнится, как в капельницы втыкают абы-что...

Так и живём.

В назначенный день я пришёл к гостинице, предварительно взяв выходной на работе. Всё было тщательно спланировано: поездка в онкологическую больницу в Боровлянах, общение с родителями, обед в таверне на природе, поездка в сиротский дом, раздача слонов. То есть подарков.

Всё было спланировано, кроме одного.

По плану за немецкими гостями закрепляли белорусских волонтёров-переводчиков. Этим занималась благотворительная организация «Вясна». Я пришёл, когда группа переводчиков уже была в сборе. Мы встретились в фойе.

Окинув взглядом молодых людей, я пришёл к неутешительному выводу, что все они враждебно настроены против меня. Там были в основном девушки. Они стояли полукругом, некоторые сложив руки на груди, критично оценивали новоявленного начальника, то есть меня. Я был одного с ними возраста, и, как им казалось, по блату выбился в руководители. Некоторые дамочки недовольно дули губки, отворачивались спиной — они пришли поразвлечься, пообщаться, а тут их «построили».

Так вот, я только собрался открыть рот, чтобы рассказать, чем мы сегодня будем заниматься, как мои глаза встретились с её взглядом. Мисс-фитнес из тренажёрки смотрела на меня так же холодно и скептически, как и остальные, так же равнодушно отводила глаза, презрительно поджимала губы.

Я проглотил обиду, нервно сжал кулаки. Мне хотелось провалиться сквозь землю, и забытое чувство стыда вызвало панику, окатило жаром.

Уж не помню, что я там наплёл про поездку. Хорошо, что подошёл Хольгер. Тогда я вздохнул с облегчением, переключившись на немецкий. Сразу стало легче, официальнее.

Волонтёры оживились, мой безупречный немецкий нещадно полился на их неокрепшие уши.

Причина, по которой волонтёры записываются в волонтёры, в девяносто девяти случаев из ста заключается в простом желании пообщаться с носителями языка, установить связи и, может быть, может, поехать однажды в Германию на работу.

По программе au pair — помощница по дому, или сбор урожая, или ещё какая работа. Это и путешествие, и опыт общения, и, как знать, любовь с иностранцем. Замужество?

Кроме пожилых немцев приезжали к нам ещё их взрослые дети. Молодые парни попадались, но редко.

Я не обращал внимания на личные амбиции волонтёрш, моя задача сводилась к минимуму — распределить богатства среди бедных. Где-то в глубине души я чувствовал себя Робин Гудом.

Вопреки моим ожиданиям, девушка из тренажёрки уселась во втором ряду рядом с Урсулой,

и дышала мне практически в затылок. Я болезненно переваривал её присутствие, мне хотелось повернуться и сказать что-нибудь, хотя бы упомянуть, что мы встречались раньше. Ну не мог же я начать извиняться в тот момент за инцидент с дверью?!

Или мог… Я мучился и сходил с ума. Проблема заключалась ещё и в том, что девушка была невероятно красивая, слишком красивая для меня, моих друзей, всех, кто сидел в автобусе, жил в городе. Обитал на планете.

— Анна, — услышал я за спиной её бархатный глубокий голос.

Она представилась и на самом плохом робком немецком принялась говорить с Урсулой сначала о погоде, потом о детях. Она стеснялась и глотала фразы, бросала на полуслове, отказывалась продолжать. Потом долго извинялась за ужасный немецкий. В общем ей было невероятно трудно.

Разговор за спиной зашёл в тупик, Ане не хватало слов, и тут Урсула по детскому наитию обратилась ко мне за помощью:

— Виктор, можешь помочь Ане? Она хочет сказать мне что-то важное.

Вихьтихь… Sehr wichtig. Я нервно сглотнул, перед глазами замелькали тёмные круги, кончики ушей стали красными, как угольки, запылали габаритными огнями.

Я медленно поворачиваюсь и так же нейтрально, дружелюбно заглядывая между сидений, говорю по-немецки:

— Конечно, какое слово тебе перевести?

Наши глаза встречаются, и я пялюсь на неё, а сам пунцовее заката в Миннесоте, где я ни разу не был.

— С тобой всё в порядке? — смеясь, спрашивает Урсула своим рыхлым баварским акцентом. В руках она держит малыша, потряхивает его для проформы.

— Немного укачивает.

— Меня тоже, — поддакивает Урсула. — Этот автобус слишком качает. Как корабль! — она хихикает.

Я опять бросаю взгляд на Аню. В этот раз более уверенный:

— Я бы хотел извиниться за тренажёрный зал, — шепчу по-русски, чтобы слышали только она и я, но никак не другие волонтёры, сидящие в автобусе.

Аня кивает, претензий, мол, не имеет, равно как и интереса общаться со мной. На её губах играет знакомая мне по залу презрительная улыбочка.

Я поворачиваюсь лицом к водителю. Вся эта ситуация меня порядком достала. Мало того, что в тренажёрке житья нету, так теперь ещё и здесь, где я по сути отдыхаю, я вынужден прятаться от девчонки.

Я злился на себя за слабость. Я просто не мог смотреть на Аню без содрогания, без мыслей интимного порядка. Она выносила мозг одним своим видом, своим присутствием.

Ну как можно сходить с ума от одной бабы, с которой даже не общался толком? Которая ненавидит тебя, презирает до чёрных корней волос?

4

Итак, я решил, что Аня на время станет для меня предметом мебели. Извинения свои я принёс, она кивнула, значит помнит. Значит, я как минимум свободен от той вины, которая преследовала наши невербальные отношения последние месяцы.

Я продолжил работать по плану. Онкология, родители, лекарства, дети. Везде меня встречали старые знакомые, я молол языком налево и направо. Русский сливался с немецким,

молниеносно возвращался узкоспециальными медицинскими терминами. Опыт не пропьёшь. Волонтёрши стояли рядом и хлопали широко открытыми глазами. Видимо, человек, который думает на языке, не переводит в уме копейки на рубли, повстречался им впервые. Мысли летели вермишелью, я пахал как папа Карло, везде совал свой нос. Скоро без моего голоса не обходился ни один разговор. Ни один речевой акт не заканчивался успешно без помощи директора фонда, то есть меня. Слова и фразы, равно как и мысли, складывались в стройные немецкие предложения. Не бывает непереводимых истин.

Девушки-волонтёры в автобусе начали всё чаще обращаться ко мне по-русски, как бы сомневаясь, что я всё-таки говорю по-русски. Я отвечал им дружелюбно, без пантов.

День, начавшийся среди волонтёров со скепсиса, заканчивался уважением ко мне, доброй завистью, интересом.

Что касается меня, я работал на результат и к концу дня вымотался эмоционально и даже физически. Но я был счастлив, так счастлив, что когда Хольгер — такой же довольный и красный, как борщ, — предложил сходить в ресторан, я в шутку закинул удочку насчёт Ани:

— Я не пойду, если Аня не пойдёт.

Аня к тому моменту уже отключилась, и весь наш немецкий трёп летел мимо. Поэтому Хольгер быстро выбрал стратегию, и в следующий момент Урсула приглашала Аню в ресторан.

Так мы и оказались с Аней лицом к лицу на танцполе. Она по-прежнему держалась отчуждённо. Мои общие фразы вызывали у неё формальные улыбочки. Казалось, она на своей волне, витает в облаках, которые невозможно разогнать обычным вопросом.

Мы мирно распрощались, кивнув друг другу. Я не набивался провожать её, к тому же она вызвала такси.

— Спасибо за вечер, — сказала она и упорхнула. А я остался стоять на улице, задумчиво прокручивая события уходящего дня.

«И что это было? — думал я. — Как минимум, она больше не обижается на меня».

Я побрёл домой, приказывая себе не влюбляться в Аню.

«Нет ни малейшего повода думать, что я ей нравлюсь,— настраивал я себя. — Скорее наоборот. Она стала заложником обстоятельств. Мы будем знакомыми, но не больше». Некая горечь преследовала меня по пути домой и перед сном. Но и чувство свободы помогло мне уснуть быстро и безмятежно.

5

В последующие дни я только и думал, что об Ане. У неё есть парень, представлял я. Или даже несколько отличных вариантов. Они ждут её в тренажёрке, на танцах, в универе.

В следующий раз мы встретились в тренажёрке. Она первая подошла ко мне. Улыбаясь, спросила, как дела.

— Я уже почти не потею, — ответил я и показал рукой на тренажёр.

Она вспыхнула, прикрывая смущение, игривым сарказмом:

— Ты что, обиделся на меня тогда?

Я отрицательно помотал головой.

— И хожу я теперь медленно, чтобы никого не ударить, — сказал я тем же шуточным голосом кота Мотроскина из Простоквашино, хотя глубоко переживал воспоминание.

— Да, ходить надо аккуратно, — согласилась она и, кивнув, отошла в сторонку делать полуприсяды.

Думаю, она имела специальную программу соблазнения для таких незадачливых ходоков в качзал, как я. К концу сеанса мой член залился вялой эрекцией и, если бы трусы не сдерживали его прыть, он торчал бы как штык, указывая на Анину постоянно мелькавшую перед глазами задницу. Её мощные накаченные бёдра играли точёными гладкими мышцами, ровными, налитыми мягкой сталью, перетекающими в колобки ягодиц. Каменная поясница выгибалась дугой под розовой маечкой, стягивала талию. Стройные руки и плечи, оголённые, к концу сеанса налились рельефными тенями. Аня жила в качзале, хоть и не выглядела как культуристка. Никто не ставил под сомнение её статус богини фитнеса, новые парни с почтением расступались, когда она подходила к станку.

В тот день я с особым энтузиазмом следил за её упражнениями, я имел на это право. Периодически мы встречались взглядами, улыбались друг другу. Потом она ушла, робко окликнув меня со спины:

— Пока, Витя.

Она боялась меня отвлечь, а я только и думал, что о ней, о её заднице. Какая она на ощупь? Анин уход стал полной неожиданностью, разочарованием.

— Пока, — я улыбнулся формально, скрывая нахлынувшую грусть под усталостью.

— Не грусти, — она уловила перемену во взгляде.

Красивые девушки без труда различают, кто на них западает. Особенно очень красивые, такие как Аня. Парни-волокуши, такие как я, — это их трофей, предмет гордости. Они держат свору на цепи, бросают обглоданные кости — ничего не значащие номерочки. Мы рады и этому. Жить с надеждой в телефоне намного приятнее, чем прозябать без каких-либо зацепок.

6

На свидание Аня пришла в джинсах и чёрной маечке. Стоял июль — пора горячих отпусков, романтических путешествий. Аня только что закончила университет, её согласие встретиться со мной стало полной неожиданностью.

«Значит, она, как минимум, ни с кем не встречается», — радовался я.

Я волновался, как школьник. Долго думал, покупать цветы или нет. Наконец решил, что лучше подарить букетик в конце, чтобы Аня не таскала его повсюду, как знамя победы. Она вызвалась встретить меня у входа в офис, где я работал.

— Я там недалеко живу, — сказала она.

Такой подход к открытию сезона охоты ещё больше смутил меня.

«Ну что ж, — думал я. — Погуляем в центре, посидим в кафешке».

Разговор не клеился. Я использовал всё своё обаяние и навыки общения, чтобы поддерживать хоть какой-то интерес к беседе. Аня держалась чопорно, отстранённо, всё время бежала впереди. Я мог с таким же успехом быть её сумочкой. Так я себя и чувствовал, находясь рядом: атрибутом женской красоты, непременным спутником, шапероном, подтверждающим Анин статус красавицы, охраняющим её от несанкционированных посягательств. Впрочем, я ни о чём не жалел.

Мы уселись в баре за столик, стоявший по центру зала, другие были все заняты. Говорили вяло, переливая из пустого в порожнее. Мне даже начало казаться, что я зануда, каких свет не видывал. На самом деле я жутко волновался, Аня дала зелёный свет, официально согласилась встретиться.

В какой-то момент она спросила, курю ли я. Я сказал, что нет. Тогда она извинилась и

ускакала на крыльцо. Вернулась, чтобы обдать меня приторным ароматом сигарет.
— А как же спорт? — в шутку спросил я.
— Это женские сигареты, очень слабые. Я почти не курю.
— Понятно.
Дальше говорили о кино, музыке. То есть о попсе и мейнстриме. Аня интересовалась шоу-бизнесом, с завистью рассказывала про знакомую, с которой вместе училась. Та выбилась в люди, стала телеведущей.
— Ну ты даёшь! — выкатила она глаза на моё сообщение о том, что я ничего не слышал о какой-то Люси Лущик. — Ты вообще телевизор смотришь?
— Смотрю, но редко.
Так мы разговаривали в течение часа, пытаясь найти точки соприкосновения. Я был далёк от Аниных тем. Она была в тренде, интересовалась в принципе всем тем, что было на слуху. Где какой концерт, кто приезжает, почему рыжая ушла из «Блестящих». Я чувствовал себя антикварным чугунным чайником: гудел, поддакивая, подстраиваясь под ритм перескоков с одной темы на другую. Так две недалёкие девицы соберутся вместе и трещат, как сороки. Я пытался гудеть сорокой.
— Подождёшь ещё минутку? — Аня поднялась, доставая пачку сигарет из сумочки.
Я кивнул, куда мне деться с подводной лодки? Она опять ускакала.
После бара мы отправились гулять по набережной в Троицком предместье — любимом месте всех парочек, недавно заручившихся взаимной симпатией. Кто-то держался за ручку, где-то парень пытался приобнять девушку за талию. Другие активно обнимались, прижавшись к парапету. Нетерпеливые целовались в отдалении, словно голубки, нашедшие счастье в городе-миллионере. Аня бежала в двух шагах от меня. Если бы мне вдруг приспичило исчезнуть, она бы даже не заметила моего отсутствия. Так она была увлечена собой, своим стремлением прошвырнуться по набережной.
Мы вошли в летний шатёр, растянутый под горой, заняли место на отшибе. Я порядком устал от общения с Аней. Постоянное напряжение сменилось апатией, разочарованием. Она была безумно красива, эта блондинка с ангельским личиком и фигурой фитнес-тренера. При этом у нас с ней не было абсолютно ничего общего. Я решительно не представлял себе влюблённость в Аню. Она кричала «секс», а я искал любовь.
Когда молод, на такие нюансы, как отсутствие влюблённости, не обращаешь внимания. К тому же, все парни, которые нам попадались на пути, жадно пялились на Аню, улыбались, перешёптывались, щупая её задницу, вылизывая её мордашку. Потом они с завистью и нескрываемой злобой переводили взгляд на меня, изучали моё каменное лицо, пытаясь понять, что же такого блондиночка на десятку с плюсом нашла в романтизированном экзальтированном шапероне. В такие моменты я садился на коня, амбиции хлестали через край, реализовывались чужой завистью. Чувство гордости за себя родимого переполняло одинокую душу.
Аня боялась петь, и тогда я решил приободрить её, вышел на простую, как мне казалось, песню Eurythmics «Sweet dreams». Я фальшивил, жестоким фальцетом рубил знакомые фразочки. В шатре летнего ресторана почти никого не было, поэтому моя минута позора никого не тронула за душу. На втором куплете Аня присоединилась. Видимо, ей стало жаль моих стараний, а, может, она просто не смогла больше терпеть караоке-беспредел самозванца-недоучки.

Подхватив песню, она вдруг выдала богатое звучание переливов, красиво попадая в ноты. Я заткнулся, опустил микрофон. Потом мужики в углу, проснувшиеся на женский вокал, зашлёпали в жирные намозоленные ладоши, заорали «браво, ещё». Я вернулся за столик, оставив Аню отрабатывать смену. Она стояла красная, как рак. От волнения терзала микрофон в руке, но пела идеально чисто. Сорвав очередной всплеск аплодисментов с мужского стола, она заставила меня расплатиться и полетела по набережной. Я бежал за ней, разговор попытался было склеиться вокруг пения. Я выразил искреннее восхищение, но Аня восприняла мой комплимент враждебно, словно я пытался подкатить к ней с нового конца. Она бежала домой, я, конечно, взялся проводить её. О цветах уже речь не шла. Мы сели на сотку и доехали до самого аэропорта. Потом полетели дворами, пока не уткнулись в её подъезд. — Спасибо за прекрасный вечер, — официальным голосом сказала она.

Я сделал шаг вперёд, и этот выпад был воспринят, как угроза национальной безопасности. Аня метнулась к двери, махнула ручкой, приторно улыбнулась. Так мы и разошлись ни с чем.

«Секс страшная сила», — горевал я, возвращаясь на метро домой. Я не испытывал к Ане абсолютно никакой душевной привязанности, но при этом страстно хотел её.

Хотел трахать её спортивное накаченное тело, не думая о ней.

7

Мы встретились ещё пару раз, и оба раза я пытался сблизиться. Слишком очевидны были мои намерения, необоснованные реальными мыслями и чувствами. Я поступал так же, как десятки, сотни парней до меня: руководствовался простым принципом «вода камень точит». Аня испытывала ко мне лёгкое презрение. Кобельки, как я и покруче, вились вокруг неё годами. Я наступал на те же грабли, вёл себя точно так же, хотел того же. В какой-то момент она сдалась и начала рассказывать про бывших ухажёров, их ошибки, неявно сравнивая меня с ними.

Мы разговорились о том, где и как можно познакомиться с хорошим человеком. Наши личным амбиции относительно друг друга были отброшены. Мы теоретизировали, говорили на чистоту, видимо, мысленно смирившись с поражением.

— Какая разница, где знакомиться? — рассуждал я. — По-моему, самый лучший способ — это выразить желание, как только оно возникает. Как было бы проще жить, если бы люди не стеснялись выражать симпатию, например, на улице.

Аня ухмыльнулась.

— Ты бы знал, сколько таких желающих «выразить симпатию» на улице.

— Но ты ведь не знаешь, может, один из них как раз окажется твоим идеальным партнёром.

— На улице? — она презрительно поморщила носик. — Пристанет какой-нибудь кадр и тянется, как банный лист, через весь город. Идёт до самого подъезда, и всё просит «дай телефон, дай телефон, дай телефон».

— Ну и почему бы не дать?

— Потому что ничего хорошего на улице не встретишь, — отрезала Аня. — Знакомиться на улице — себя не уважать. Только неудачники знакомятся на улице.

Я сглотнул, помолчал. Отпил пива.

— Я знакомлюсь на улице. Значит, я тоже неудачник? — спросил я с шутливой обидой в голосе.

Аня не ответила внятно, перевела разговор на другую тему, но, думаю, в тот момент она мысленно согласилась со мной: я такой же неудачник, как десятки парней, пристающих к ней

на улице каждый день. Для неё лишь деньги, слава и власть имели значение, символизировали успех. Я пришёл к этому неутешительному выводу в результате длительных дебатов ни о чём. Мы говорили абстрактно, но каждое убеждение приоткрывает систему жизненных ценностей человека, рассказывает о нём.

Такое положение планет не мешало мне волочиться за Аней, мы перестали ходить на свидания, пересекались только в тренажёрке. Дальнейшее преследование с целью трахнуть казалось мне унизительным, кроме того, я испытал на личном опыте то, о чём написано в умной книжке: «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей».

Всплеск Аниного интереса ко мне пришёлся как раз на тот момент, когда я открылся ей с новой стороны — в качестве директора благотворительного фонда. Но как только я объяснил ей свою незначительную роль в хобби-проекте, за который мне не платили ни копейки, блеск в Аниных глазах начал угасать, пока окончательно не потух, вернувшись к первоначальному безразличию и даже презрению.

###

В середине июля очередная группа немецких дедушек и бабушек посетила Беларусь. Я вызвался провести экскурсию по музею Великой отечественной войны, так как немецкоговорящего экскурсовода не нашлось. Аня подвязалась помогать мне, то есть я сам ей предложил, и она согласилась. Любое присутствие богини фитнеса приводило меня в тайный восторг, состояние томления. Где-то внутри я надеялся, что она вдруг сжалится ко мне, переменит своё отношение и отдастся за «спасибо».

Неожиданно плашки домино легли не в мою сторону. Молодой немец, видимо, сынок одного из пенсионеров в группе, обратил внимание на яркий летний цветок, и расцвела любовь. Аня купалась в лучах улыбок, стеснительно опускала головку, рассматривая алый педикюрчик. Немец ворковал по-английски с баварским прононсом. Она была к нему неравнодушна, такой реакции от холодной расчётливой Ани я никак не ожидал. Мои устои пошатнулись. Аня щебетала, вышагивала, как пава, оглядывалась и искала глазами Мартина. Серьёзный, коротко стриженный, подтянутый по-военному мужчина в солнцезащитных очках, походных штанах с кучей кармашков, в обтягивающей белой майке, загорелый, с японской якудза-татуировкой, выглядывающей из-под рукава и на шее, он выглядел идеально. Лучшего партнёра для Ани и не придумаешь.

Я сел в лужу и быстро смирился. Честно говоря, я чувствовал ревность только первые два часа, потом я радовался за Аню. Мартин оказался галантным мачо, уверенным в себе, весёлым, загадочным. Я перекинулся с ним парочкой фраз, убедился в том, что у него ещё ветер в голове, а значит, фрукт почти созрел к употреблению.

Аня смущённо отводила глаза, когда мы с ней остались одни. Я по привычке взялся проводить её.

— Классный парень, — сказал я без доли сарказма.

— Кто? — она сделала вид, что я вырвал её из страны грёз.

— Мартин, кто, — я давил лыбу до ушей, наблюдая за румянцем, разгорающимся на Аниных щеках.

— Да, он классный, — согласилась она. — Но мне немцы не очень нравятся. Они такие дотошные. Жуть.

— Это точно. То ли дело итальянцы или испанцы.

Она мило улыбнулась. Впервые я видел на её лице искренние эмоции, ничего общего не

имеющие с тем кошмаром, который творился на наших свиданиях.
— Завтра мы поедем в больницу, Мартин там будет. Поедешь с нами?
— А при чём тут Мартин? — Аня сразу ощетинилась.
— Ну хорошо, — я не хотел давить. — Мартин не при чём, просто детишкам подарки надо раздать. Ты лучше всего подходишь на эту роль.
— Почему? — Аня опять расплылась в очаровательной улыбке. Как легко она поддавалась манипуляциям, находясь в эйфории влюблённости.
— Потому что ты красивая, как Снегурочка, а маленькие мальчики любят красивых тёть.
Она рассмеялась. Казалось, мы впервые сблизились, думали соучастно, действовали заодно.
8
На следующий день Аня вырядилась в чёрное обтягивающее платье, высокие замшевые сапоги, видимо, с одной целью — сразить Мартина наповал.

Валялись все: пожилые немцы, врачи, прохожие, детишки прятались под столами. Они щупали Аню, сомневались, что она настоящая.
— Она настоящая! — казалось, вот-вот воскликнет пучеглазый малыш.
Тётя со слезами на глазах торжественно вручала подарки, опускалась на корточки, сводя коленки, чтобы не светить труселями. Мартин снимал это чудо на огромную фотокамеру со вспышкой.
— Gut, sehr gut, — бубнил он, полируя Анин обтянутый зад масляным взглядом.
Было весело. Я уже давно отбросил мысли о сексе с Аней. Так в эксперименте про выученную беспомощность собачки отказываются выпрыгивать из ящика, где их бьют током, потому что они привыкли стукаться лбами о стекло.
Аня чувствовала себя неловко. Она вообще в большинстве случаев играла какую-нибудь роль, вечно прикрывалась маской презрения, безразличия или мечтательной загадочности. С Мартином она надевала загадку. Так они и плясали танец любви, постепенно приоткрывая завесу тайны друг перед другом.
###
Немцы пробыли в Беларуси неделю. Аня встретилась с Мартином, как минимум, ещё два раза. Не без моей помощи, я не видел ничего плохого в том, чтобы помогать Ане. Странно, но в таком поведении я видел капельку себя, того альтруизма, с которым шёл по жизни. В душе я оставался Робин Гудом, помогал запутавшимся девицам устроить личную жизнь, посмеивался с себя и с них, понимая, что мы не созданы друг для друга. В субботу вечером я зашёл в гостиницу «Спутник», поднялся в номер к координатору группы Хольгеру Майеру. Он вручил мне документацию по медицинскому аппарату, подаренному накануне немцами областной больнице.
— Это перевод на английский, — пояснил Хольгер. — Если у врачей будут вопросы, они могут позвонить или написать, — он сел переписывать номера телефонов и адреса.
Я думал о том, сколько протянет дорогой аппарат, пока его не спишут, чтобы втихаря продать коммерческой клинике.
Мы пожали друг другу руки, и я вышел. Я медленно шёл по коридору в сторону лестницы. Вдруг прямо передо мной дверь номера приоткрылась, и из неё выскользнула Аня, в том же чёрном платье, замшевых сапожках. Она кралась на цыпочках, чтобы не стучать каблучками. Почувствовав моё присутствие за спиной, она оглянулась и чуть не рухнула, опёрлась рукой

на стенку. Она валилась с ног, едва стояла.
— Что ты здесь делаешь? — изумленно вытаращила она глаза. Выражение лица её переходило от вороватого испуга к сдержанной агрессии.
Я хмыкнул.
— Хольгер просил зайти. С тобой всё в порядке? — я изучал румянец на её щеках, шаткое положение у стены.
У меня не было ни малейшего сомнения, что она только что трахалась. Жёстко и дико, даже слюна на щеках и подбородке ещё блестела. Засосы на шее светились пятнами.
— Да, — она тут же приняла оборонительную позицию, откинула волосы на спину.
Мы пошли к лестнице, молчали неловко. Наконец я догадался показать ей папку в руках, взялся рассказывать про подаренный немцами аппарат. Аня слушала, приходила в себя, приводила себя в порядок. В этот раз она молчала, только слушала.
Я вызвался проводить её:
— Чтобы к тебе никто не приставал с просьбами дать телефон.
Она рассмеялась.
Мы пришли к её подъезду и долго говорили ни о чём. Но как-то душевно, не так, как раньше. Она слушала меня и сказочно улыбалась. Так дочка слушает отца, когда он читает ей книжку перед сном. Потом она неожиданно наклонилась, поцеловала меня в щеку и побежала в подъезд.
Я отправился домой со странным чувством влюблённости, превратившимся в дружбу, доверие. Тайну.
9
Аня созванивалась с Мартином, потом рассказывала мне, как обстоят дела с татуированным мачо. Их отношения зашли в тупик. Она здесь, он там.
В августе представилась возможность слетать на неделю в Мюнхен, чтобы на месте встретиться с меценатами, обсудить вопросы медицинского оборудования, лекарств.
Узнав, что я хочу подключить Аню к благотворительности, Хольгер несказанно обрадовался. Он видел в красивой девушке отличную возможность добавить в нашу активность нотку пиара. Привлечь общественное внимание красивыми фотографиями, так сказать.
Конечно, Аня не горела желанием заниматься благотворительностью, но поездка в Мюнхен всё меняла. Мы выправились в аэропорт в восемь утра, уже в десять сидели в самолёте. Ещё через три часа приземлились в аэропорту Мюнхена. Я много раз бывал в Германии, Аня круглыми глазами сравнивала красочные магазины немецкого аэропорта с белорусским ангаром.
— Как здесь всё красиво! — воскликнула она, не скрывая восторга.
— Да. Это Бавария, — усмехнулся я в ответ.
Нас никто не встречал, потому что я отлично ориентировался на местности. Мы сели в электричку, доехали до пригорода, где находилась наша простенькая гостиница, заселились в соседние номера.
Стояло жаркое лето, Мюнхен утопал в зелени. Аня предложила прогуляться, и мы отправились бродить по пустынным улицам пригорода. Зашли в ресторан, заказали традиционные баварские блюда. Я помогал Ане выбирать из того, что знал. Свежий сладковатый гинес ей очень понравился.
Странное чувство не покидало меня всё время, пока мы гуляли: будто я и моя девушка

приехали в отпуск. Мы смеялись, говорили обо всём подряд, о том же в принципе: о кино, музыке, только иначе. Нам вдруг стало интересно, весело вместе. Аня открывалась мне с новой стороны.

И всё-таки общая подоплёка не давала нам покоя. Я ведь привёз Аню потрахаться с Мартином. Мы оба чувствовали его дыхание в спину. Он ходит где-то рядом, заряженный Мартин, его тело бугрится от мышц, кожа исполосована татуировками, мозг заточен на соблазнение.

На обратном пути обнаружили синее поле гладиолусов. «Сам нарви, сам заплати», — гласила табличка над ржавым вкопанным в землю ящиком с прорезью для денег. Я залез на грядку, нарезал зелени для Ани. Она улыбалась, как школьница. Потом нюхала цветы, смущённо поглядывая в мою сторону, пока мы шли в гостиницу.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она ещё раньше в одном Минском ресторане. Тогда я активно приглашал её на встречи с немцами, где был Мартин.

— Почему нет? — я добродушно улыбнулся в ответ. — Мы оба понимаем, что не подходим друг другу, так почему я должен мешать тебе строить личную жизнь? Наоборот, я считаю, что мы должны помогать друг другу, как люди, находящиеся в одинаковом положении. Может, и ты когда-нибудь поможешь мне познакомиться с девушкой моей мечты.

Она усмехнулась.

— А какая она, девушка твоей мечты? — Аня с любопытством посматривала на меня, потягивая коктейль через трубочку.

— А-а-а! Я знал, что ты это спросишь.

Мы рассмеялись.

Первый день в Мюнхене Аня опять испытала весь букет неприятных ощущений, когда гуляешь с одним, а думаешь о другом. Мне пришлось вновь объясняться:

— Я же не виноват, что ты красивая девушка и заслуживаешь цветы только поэтому.

Она рассмеялась, принимая букет.

— Спасибо, — смущённо сказала она.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по номерам. Я действительно не думал о преследовании Ани, лёгкая грусть очаровывала меня знойным августовским вечером. Я завидовал светлым чувством чужой любви, представлял себя на месте влюблённого, но не вместо Мартина. Быть Аниным парнем казалось миссией невыполнимой.

10

На следующий день мы встретились с группой пожилых меценатов. Много говорили, шпрэхали, так сказать. С нашей стороны шпрэхал я. Аня стала лицом фирмы, визитной карточкой.

Потом Аня отправилась на свидание с Мартином, а я — гулять по старому центру города. Отсутствие Ани сразу сказалось на настроении. Я представлял, как им весело сейчас вдвоём, любовничкам, как Аня влюблена в Мартина. Я корил себя за ревность, зависть и только неимоверным усилием воли смог отвлечься на уличных музыкантов.

Потом я зашёл в магазин музыкальных инструментов, два часа выбирал гитару. Наконец наплевал на деньги и взял самую дорогую.

Вернулся в гостиницу поздно вечером, постучал на всякий случай в Анину дверь. К моему удивлению она была в номере. Приотворила дверь, за ней зияла темнота. Я сразу увидел по Аниному поникшему лицу, что-то не так.

— Ты в порядке? — спросил я, сдерживая тревожные мысли.
— Не знаю, — она смотрела куда-то в пол. — Можешь зайти?
— Могу, конечно, — я подрастерялся. В номере было темно, Аня намеренно не включала свет.
Мы прошли внутрь, она упала на кровать, прислонившись спиной к дальней спинке. Рядом стояла открытая бутылка вина, почти пустая. Бокал. Я сразу догадался, что она налакалась, пока меня не было.
— Поссорились? — предположил я, хмурясь. Садиться не хотелось, я так и остался стоять с гитарой в чехле, болтавшейся за спиной, как лук Робин Гуда.
— Не, — вяло отозвалась Аня. Я только теперь понял, что у неё язык заплетается. Она была в стельку пьяна. — Он женат, — она молчала, пялясь стеклянным взглядом перед собой, — а я, как дура, верила ему! — Аня накрыла лицо руками и упала набок.
Девичьи всхлипы наполнили комнату. Ничего худшего я представить себе не мог. Тяжело вздохнул, прислонил гитару к стене. Опустился на кровать, погладил Аню по плечу. Слов утешения у меня не было. Я не знал, как выразить сочувствие, которого не чувствовал. Я видел ситуацию со стороны, с самого начала Аня легко велась на соблазны залётного гастролёра. А я, как дурак, ещё помогал, подталкивал её в спину: «Иди, Анечка, трахайся всласть. Любовь нельзя упускать!» Теперь она отгребала по полной, а я самодовольно кусал локти.
— Это всё я виноват, — тихо промычал я, чувствуя, как мурашки подымаются по коже. — Не надо было толкать тебя на свидания с Мартином. Я сводник хренов, и нет мне прощения. Не вини себя, ты обожглась, потому что высоко ценила моё мнение. Вот и вся сказка. Прости, если сможешь.
Я поднялся, подцепил на локоть гитару и выкатился из номера. Тихо прикрыл за собой дверь.
Прошло десять минут, я успел переодеться в шорты и майку, расчехлить гитару, проверить электронную почту. Аня тихонько постучала в дверь. Я понял по стуку, что это она.
— Привет, — пролепетал я, открывая дверь. — Я тут подумал, можно завтра...
Она не дала мне закончить фразу, прильнула, присосалась губами и тут же обвила шею руками. Она горела пьяной страстью, под натиском которой я повалился на стену. Аня скользила телом в облегающем платье, тёрлась об меня выискивая бедро. Я тут же возбудился. Её мокрый горячий поцелуй с языком вывернул сознание наизнанку. Я тоже слетел с катушек, обхватил её за талию, сначала неловко, потом опустил руки на железный зад, и член мой залился свинцом. Я бугрился под ширинкой. Аня высасывала меня ртом, как сладкий персик. Наше дыхание сбилось, мы сражались в агонии страсти, а я чувствовал, что ускользаю за ней, срываюсь в пьяную пропасть, где секс правит бал.
— Подожди, — оторвался я на секунду. Я тяжело дышал, сражаясь с соблазном сорвать с Ани платье в ту же секунду. — Ты пьяна, поэтому ничего не соображаешь. Завтра ты пожалеешь.
— Не пожалею, — проурчала она тигрицей. Аня впивалась в меня острым маникюром, притираясь пахом об коленку. — Ты меня хочешь? — она дышала так же громко. Сердце колотилось, отдавая мне в грудь.
— Я не хочу тебя обманывать.
— Я знаю, — она тянула ремень, возилась внизу. — Ты самый честный. Я вот, хочу тебя, — вырвалось у неё, как спазм.
Она неожиданно расстегнула джинсы, ширинку, скользнула рукой по трусам, под которыми

член стоял колом.
— Стой, — шепнула она, опустилась на коленки.
Аня опустила резинку трусов, замерла на секунду рассматривая покачивающийся член, вытянутый на два обхвата ладонями.
Её первые нежные прикосновения губами заставили меня вздрогнуть, залиться эйфорией невозврата. Губы заскользили по головке, опустились по стволу, вернулись. Аня распробывала новый член, словно удивлённо изучала его природу, прежде чем приступить к удовлетворению ласками.
Она была опытная любовница, намного опытнее меня. Скоро её рот ритмично скользил по стволу, глубоко опускаясь до середины. Пальчиками она заигрывала с мошонкой, волосы ритмично колыхались за спиной.
Она сидела на полу на коленках, разъехавшись бёдрами в стороны. Её каменный круглый зад, обтянутый белым стрейчем платья, покачивался в одном ритме. Я опустил руки, обхватил Анины груди. Скользнув ладонями под платье, нащупал середины твёрдых сосков на упругих сферах. Она застонала, томно, с привкусом желания.
Презерватив лежал у меня в рюкзаке. Мы очутились на кровати в жарких объятиях. Я стягивал с Ани облегающее платье, нырял языком в груди, опускался по животу к белым трусикам, которые тонкой полоской прикрывали пульсирующий бутон под каменным лобком. Она была сладенькая, как берёзовый сок, гладенько выбритая, распустилась внутренними губками, в основании которых заиграл на языке нежный бугорок клитора.
В этот момент, когда мой язык проник в её бутон, Аня распахнула бёдра шире и подтянула их коленками к себе. Она ёрзала попой, заглядывая на меня, выгибая шею, на лице её читалась немая мольба, просьба не останавливаться. Открытый рот закусил нижнюю губу, взгляд тигрицы залился похотью. Аня схватила меня за волосы рукой с острым маникюром, впилась в кожу и глубже вдавила в розовую мембрану между ног, дышащую, пульсирующую под языком.
Я вылизывал её резкими мазками, выдавливал, проникая глубоко в горячий кисловатый колодец, поднимаясь вверх, раскладывая внутренние губы влагалища в розовую сочащуюся грушу.
Дичка. Она была дикая, как лесная кошка. Когда я вошёл в неё до конца, она забила пяточками по спине, заработала бёдрами снизу, всасывая меня, как помпа. Обхватив сзади пяточками, она стучала в ритм со мной, напоминая о необходимости удовлетворить её до конца. Мощные бёдра, накаченные годами тренажёрки, сцепились вокруг меня. Круглый железный зад, мясистый, нежный по контурам, играющий сталью под руками, разъехался подо мной, запрыгал навстречу. Она трахала меня снизу, прыгала на пружинистой кровати, ловя движение навстречу.
И я не облажался: затрахал её вдрызг, боясь кончить первым, оттягивая накатывающий оргазм глубокой долбёжкой с притиранием лобками. Аня забилась в пьяной истерике подо мной, чуть не откусила мне язык, когда я попытался слиться с ней в поцелуе. Я не останавливался и придавил её пускай и сильное физически тело, пригвоздил нежное женское хлюпающее естество, выдал финальный аккорд, когда у Ани уже не осталось сил.
Она лежала смирно и дивилась, когда я кончал, растекалась нежностями. Ласковый взгляд, наполненный любовью, ловил эмоции на моём взбудораженном лице.
— Кончи в меня, пожалуйста, кончи, — она вновь закусила нижнюю губу. — Да-да, вот так, —

шептала она, подгоняя меня пяточками. — Трахни меня, да, трахни.
Я вытянулся в пояснице, онемевший член перестал посылать сигналы удовольствия, через секунду он затмил мой мозг взрывом.
— Да, — Аня выгнулась подо мной в дугу. — Кончай, милый, кончай, — она забила пяточками, стягивая ладонями груди.
Я взорвался, глубоко заливая в Анин зад струи спермы, закачивая в неё недельные воздержания.
Мы повалились в объятия друг друга, долго лежали, не выходя из полудрёмного состояния, обессилившие, счастливые.
11
На следующее утро яркое солнце проникло в комнату, скользнуло полосой по полу, приблизилось к кровати, застигло нас спящими. Я перевернулся, через минуту Аня поскакала по комнате в туалет. Она накинула платье и ушла к себе. Я догадывался, что она отправится на утреннюю пробежку. К тому моменту, когда я окончательно проснулся, она уже пришла и орудовала на маленькой кухоньке, которая находилась за перегородкой.
— Ты что будешь, яичницу или омлет? — спросила она, выглядывая ко мне.
Аня светилась от счастья.
Я по-прежнему находился в состоянии полной прострации. С того момента, как Аня набросилась на меня у двери, я успел порадоваться, пожалеть, испугаться, усомниться. Теперь я вновь стоял перед фактом: Аня в обтягивающих тёмно-серых леггинсах готовила мне завтрак. Белый спортивный топик плотно облегал её прижатые спортивные грудки, волосы Аня распустила, они солнечным водопадом, тёмным у корней, покачивались у неё за спиной. Она была моей тигрицей, спортивной девочкой, запутавшейся, возможно, как и я, ищущей правды жизни.

Я подошёл к ней сзади, обнял со спины.
— Знаешь, я подумала, — сказала Аня, прикрываясь притворным шуточным легкомыслием в голосе, утренним, простительным. — Ты слишком хороший для меня, — она неловко ухмыльнулась, оборачиваясь ко мне, помешивая омлет на сковородке. — Если ты меня бросишь, то правильно поступишь, — в её взгляде мелькнул страх. На короткое, едва уловимое мгновение вечности её душа распахнулась, обнажилась тем, что её беспокоило. — Я не заслуживаю тебя, — сказала она тише, опуская глаза.
— Да нет вообще-то, мы оба хороши. С тобой я готов идти до конца.
— Да? — она вздрогнула, встречаясь со мной радостным счастливым взглядом.
Я кивнул, сделал последний шаг и поцеловал её в губы. Моя рука скользнула по Аниной пояснице, нашла влажный желобок позвоночника, опустилась на поясницу. Аня выгибалась кошкой, её упругая круглая задница заиграла под рукой волнами мышц. Аня стояла у плиты, а я опускался на колени, стягивал леггинсы.
Мой член палаткой натянул шорты. Я лизал Анин солёный персик, грел его глубокими мазками, потрахивая языком. Моя девочка выключила плиту, опёрлась двумя руками на деревянную столешницу. Аня поднималась на цыпочки, её коленки, упругие бёдра подрагивали.
— Мне так хорошо с тобой, — шепнула она, выкрутив шею.
Двумя руками она развела колобки ягодиц, давая мне возможность глубже проникнуть в неё

языком. Аня вся текла горячим бесцветным почти безвкусным соком возбуждения. Я быстро раскатал презерватив по члену и взял красотку у плиты. В этот раз мы трахались без оглядки, без привыкания. Всё-таки ночью мы боялись оступиться, вызывать неприятие или наоборот столкнуться с чем-то новым.

Сейчас я расслабленно брал своё, и Аня отдавалась, думая о том, как ей лучше стать, чтобы получить больше кайфа.

— У меня своя зарядка, — пошутил я, чувствуя, как пот катится по спине.

Аня засмеялась. Её колобки стали румяными, я насаживал их на член, не думая о последствиях. У нас весь день впереди, я буду трахать её каждые два часа, если позволит здоровье. Никогда раньше я не хотел так сильно ни одну девушку. С той самой минуты, когда я увидел Аню в тренажёрке, я не мог уже ни о чём другом думать.

У нас был долгий тернистый путь.

Аня теряет контроль, подлетая на члене. Я вновь довёл её до точки невозврата. Она стонет, двигаясь навстречу. Мой член в латексе влетает в хлюпающую вагину, протыкая её как горячий резиновый пирог-запеканку. Я запекаю её, хватаясь за мягкие залитые мышцами бёдра.

Мы взрываемся в оргазме одновременно, Аня стонет, опуская голову вниз, свешиваясь на вытянутых вперёд руках. Её голова скрывается под копной волос, только мощная накаченная спина бьётся в конвульсиях передо мной, поигрывая мышцами. Сочный круглый зад встречается с колом, который сам взрывается навстречу. Я выбиваю из Ани последние стоны, тонкая нить слюны свисает у неё изо рта. Аня сладко мычит, будто плачет. Её не понять, меня тоже. Я похож на отбойный молоток, дорвавшийся до заветной дырки. Горячий пот ручьями хлещет по спине, животу. Я кончаю с приглушенным рёвом, как лев, обрушиваясь на возлюбленную, заливая её потом.

— Яйца всмятку, — воркует Аня откуда-то снизу, давясь от смеха.

Мы ржём, вытираясь полотенцем. Завтрак подождёт, сначала совместный душ.